„я воровалъ козла, а тебѣ мыть кожу". — Дядя говоритъ: „я тебя, вѣдь, постарше!" — „Дакъ што изъ этово?" .... „Ну, тогда, дядя, пойду я кожу мыть,—говоритъ племянникъ:— а тебѣ мяса не ѣдать!"

Племянникъ пришолъ на рѣчку. Уже было темно́. Вымылъ кожу, развѣшалъ ее на ги́бкую черёмуху, давай ударять по кожѣ палкой! По лѣсу раздаётся гулъ. Племянникъ дикимъ голосомъ заревѣлъ: „Ой, батюшки! не я вѣдь одинъ былъ!"—„А съ кѣмъ?"—„Съ дядей!"—Дядя захватилъ по́лы и бѣжать домой.

Племянникъ приходитъ къ котлу, начинатъ ѣсь мясо; а дядя приходи́тъ домой тошшо́й. Племянникъ мясо кладётъ въ мѣшо́къ и кожу, ташшы́тъ домой. А уже дядя пришолъ къ брату, спрашиватъ: „ну, сынъ пришолъ? — „Нѣту". — „Ну, ево, бѣдняка, и шипко избили!"—Племянникъ *пыхъ* въ то время съ мясомъ и съ ко́жой; а дядя тутъ сидитъ (съ которымъ онъ воровалъ).—„Што, племянникъ, шипко били?"— „Да какъ бы не били, а мясо и кожа есь!"

---

33. „Солдатъ учитъ чертей".

1. Въ одно прекрасное время солдатъ шолъ на родину. Идётъ день, идётъ и два; остаётца ему до до́му вёрстъ полтора́ста. Онъ дохо́дитъ до одной деревни; хотѣлъ останови́ццa ночевать. Попада́тъ ему на стрѣчу старушка; онъ ие́ спрашиватъ: „А што, баушка, далёко ли ишо́ станція будетъ?" — 35 вёрстъ. — Солдатъ подумалъ, поглядѣлъ на со́нцо.—„Ахъ, уже время по́здно!.. А сколько время, баушка, по тво́ему, ду́машь?"—5 часовъ вечера.—Солдатъ подумалъ: „въ 9 часовъ закатàцца сонце; а пойду́ на станцію! хоть тёмно, да дойду́!"

Солдатъ шолъ, шолъ и сильно утоми́лся, отъ усталости свое́й. У салдата сухари были съ собой, въ су́мкѣ, сахаро́къ и чаёкъ, и чайникъ у ранца. Солдатъ сталъ подумывать: „начевать въ лѣсу?" — Подумалъ-подумалъ; — „нѣтъ, хоть тихонько да пойду! не попадётъ ли удобное мѣсто для начёвки?"—А верстовы́хъ столбо́въ не́ было; узнать нельзя было, сколько вёрсъ до станціи.

Къ этому несчасью пошолъ большой дошъ. Солдатъ говоритъ: „ахъ, ѣдятъ тя мухи съ комарàми! плохо будетъ, весь перемóкну!“—И какъ разъ видитъ на трактý большой домъ. Домъ двухъэтажной. Солдатъ подумалъ: „што такое? Хорошъ домъ, да стѣкла што-то всѣ прилóманы!“—Поглядѣлъ на крышу: ишо трубы есь. — „А всё равнó зайду въ евó: мочить не будетъ меня!“

2. Заходитъ въ домъ. Дѣйствительно, што [домъ] былъ жилой, а сейчасъ нехтó не живётъ. Солдатъ изобрàлъ себѣ удобную кóмнату, въ которой были óкна излóманы; изъ другихъ кóмнатъ заперъ дверь. Сильная была *погода*, не попýтная въ ту кóмнату въ óкна. Пошолъ на двòръ, набрàлъ дровъ и затопилъ *фартамáрку* (желѣзную круглую печь); нагрѣлъ свой чайникъ. А уже врéме къ двѣнадцатимъ часамъ. Въ печкѣ сильно раскалúлись дрова.

Солдатъ лёгъ спиной къ огню—нагрѣть бы ему пушшэ поясницу. И вдругъ слышитъ *пóтопъ* въ комнатѣ въ другой. Солдатъ соскочилъ нá ноги, успѣлъ отворить дверь. Онъ тѣмъ же мúгомъ видитъ, што мноhо чертей прибѣжало; онѣ напирáютъ забѣгáть и въ ево комнату. Солдатъ на косякáхъ окошка дѣлаетъ крести́ ýглемъ: што дѣйствительно черти крестовъ боятца. Черти не смотря́тъ на солдата — забѣгáютъ къ ему въ комнату. Онъ ихъ запустúлъ много. Сдѣлалъ и себѣ на лбу крестъ углемъ. Онѣ хотѣли бы ево поймать, а на ёмъ кресъ. Онъ въ это времё сдѣлалъ кресты́ и на той дверѣ, куды онѣ и вошли. Онъ зàперъ ихъ на двéрь: не говоря, што худые окошки, некуда не уйдутъ. Заходитъ въ большóе зáло и дѣлаетъ тамъ кресты, штобы выйти имъ нельзя было.

Koнда солдатъ ходилъ по дровá, и видѣлъ тамъ—лежатъ двѣ *берестины*. Солдатъ пошолъ, принёсъ этѣ двѣ берести́ны, принёсъ большую пáлку — съ сажѐнь долины́, въ вершокъ толшины, въ видѣ сàнной огло́бли — и надѣлалъ на палкѣ углемъ кресты. Заходитъ въ кóмнату къ чертя́мъ, грозúтъ ихъ большой палкой, на которой кресты.

Г'оворитъ чертя́мъ солдатъ: „становись во фрунтъ!“— Черти было другъ за дружку прятацца, а вы́скочить нельзя—вездѣ кресты. Невольно начинаютъ становúцца въ *ширинку*, какъ будто невольники, Начинáтъ на берестѣ писать ихъ, переписáлъ всѣхъ чертеня́тъ; говоритъ имъ сол-

датъ: „ру́ки по швàмъ!“ (Показыватъ имъ манéръ). „Другъ на дружку не глядѣть, не гля́дывацца! Кoнда скажу: смирно!—глядѣть прямо!“—Черти такъ и сдѣлали. Онъ сдѣлалъ имъ перекличку на своёмъ берестѣ: Пердуновъ, Дристуновъ, Загиба́ловъ, Завива́ловъ!..

Въ это время какъ разъ былъ шумъ на улицѣ: пришолъ самъ сатана́, хотѣлъ ихъ выручить *съ-однова́*. Ну не тутъ-то было! Солдатъ сдѣлалъ крѣпко́: на окошкахъ наставилъ кресты, навѣшалъ на шею чертенятамъ чигунные песты. Солдатъ давай ихъ учить, сначала ша́гомъ гонять: налѣво и направо повороты, бѣго́мъ и ша́гомъ маршъ, кругомъ, опять бѣгомъ. До тово ихъ домýчилъ, — чертенята стали солдата просить милости: „отпусти насъ, солдатъ, пожалуйста, изъ этой неволи!“ — Солдатъ имъ говоритъ: „нѣтъ не пусчý! теперь навѣчно я васъ взялъ въ солдаты!“—Чертенята говорятъ: „вотъ тебѣ, солдатъ, мѣшокъ золота дадимъ—только опусти!“—Солдатъ на ето не соглаша́тца, а болѣе учить стара́цца.

3. Вдрукъ, уже разсвѣта́ло...—А этова до́му баринъ ка́жной день посылаетъ смотрѣть сто́рожа своёва свой домъ. Солдатъ затопи́лъ печку и поставилъ свой чайникъ грѣть. А чертеня́ты сидятъ въ углу.—Вдрукъ подъѣзжа́тъ кучеръ, глядитъ кверху на крышу: изъ трубы́ идётъ дымъ. Кучеръ говоритъ: „што́ такое? домъ у насъ былъ нежило́й, а печь то́пицца?“ — Солдатъ въ это времё выходитъ на балхо́нъ; кучеръ увидалъ солдата.—„Ты хто такой, служивой?“—„Я солдатъ“.—„Ты какъ туды въ домъ попалъ?“ — „Отъ большо́ва вче(ё)рашнова дожжа́“—„Вчера́шнова дожжа? Тутъ и начевалъ?“ — „Да, здѣсь начевалъ въ комнатѣ“. — „Какъ тебя черти не задави́ли?“—„А такъ и не задавили, што они не смѣлы были! Вы зайди́те сюда въ домъ, посмотри́те: чертенята всѣ сидятъ въ углу, глядятъ другъ на дружку, какъ на представителя А(о)ндрю́шку!“

Кучеръ говоритъ: „нѣтъ, братъ солдатъ, я не пойду́. Ты не предста́вился ли, чортъ, солдатомъ?“—„Глупой человѣкъ, да развѣ чортъ крестъ но́ситъ на ше́ѣ?“—Показалъ солдатъ на грудѣ крестъ. Кучеръ удивился.—„Я смотрѣть самъ не пойду́, а лучше барина пошлю́. Ты, солдатъ, дождись ево здѣсь! Баринъ наградитъ тебя *какъ есь*!“

Пріѣзжаетъ кучеръ домой, докладываетъ своёму барину:

„Баринъ, што́ у насъ случи́лось!“—„Што́, кучеръ?“—„На да̀чѣ въ дому́ живётъ солдатъ и учитъ чертей!“—„Какъ такъ?.. Да не предста̀вился это чортъ солдатомъ?“—„На грудѣ у ево, вѣдь, крестъ, и на балхо́нъ онъ самъ залѣзъ!“—„Запрягай тройку ло(а)шадей!“—Баринъ садитца въ карету, беретъ съ собой людей, штобы въ видѣ понятыхъ.

Пріѣзжаютъ онѣ къ дому. Солдатъ выходитъ за воро́та.—„Здраствуй, баринъ-господи́нъ! А я здѣсь съ чертя́тами совершенно одинъ!“—„Какъ же вы сюды попали?“—„А я иду на ро́дину домой. Шолъ, сильно усталъ, и къ етому несчасью пошолъ большой дошъ. Захожу́ я въ етотъ домъ, вижу: въ комнатахъ вездѣ пу́сто, а домъ былъ жило́й. Я сильно перемо́къ отъ больша́ова дожжа̀; поглядѣлъ: тутъ пе́чи, можно и топи́ть, чё угодно можно и сварить. Положи́лъ я свой ранецъ на кра́шены пола́, пошолъ на дво́ръ, набра́лъ дровъ, затопи́лъ печку, ро(а)зогрѣлъ себѣ чайникъ—съ сухарями чай пить. А было вре́мё уже по́здно, близъ къ 12-тимъ часа́мъ. Поворо́тилъ свою спи́ну къ огоньку, штобъ нагрѣлася она. Вдругъ вижу къ свѣту печно́ва огонька: захо́дятъ чертеня́та; въ комнату вошли, я схва̀тилъ уголёкъ, давай дѣлать кресты на окошкахъ, на дверяхъ. Вотъ теперь онѣ у меня и не выхо̀дятъ!“

А баринъ говоритъ: „а гдѣ они сидятъ?“—„Пойдёмте въ комнату́ мою!“—Баринъ подходитъ ко двере́ и поймался за со(а)лда́тово плечо́. — „А што, солдатъ, онѣ меня съѣдятъ?“—„Пошто́ я тебя, барнн, дамъ?“—Баринъ увидалъ чертеня́тъ: очень страшны и рога̀ты, и ма́линьки, пуза̀ты. Небольшой тутъ чертёнокъ, онъ выходитъ во фра́кѣ и глядитъ на со(а)лдата: „Опусти́ насъ, служи́вой! Вотъ тебѣ зо́лота мѣшокъ!“—Слышитъ про ето баринъ. „Я хоть не мѣшокъ дамъ, ну тысчёшки-то двѣ, со(а)лдатъ, подарю тебѣ; только выведи изъ до́му, штобы нѣ было никогда ихъ!“—Солдатъ барину говоритъ: „сейчасъ мы сдѣламъ имъ учёньё, вѣчно имъ мучёньё!.. А вы, баринъ, приготовьте ужинъ для меня“.

Баринъ скоро лакею приказалъ. Лакей сялъ на̀ лошадь, погна̀лъ — привезти всякова припа́су. Вре́мя уже по́здо. Солдату приготовили обѣдъ. Солдатъ барину говоритъ: „я поѣмъ малёнько пирожки́, да сдѣлаю имъ ученье. А, ба-

ринъ, ба́льна му́зыка у васъ есь?"—„Есь".—„Привезти́ ие́ сюда. Коhда кончу я имъ ученье, церемоніальнымъ маршемъ ихъ прогоню́".

Солдатъ съ большой палкой и закричалъ на чертеня́тъ: „Станови́сь во фрунтъ!"—Чертеняты съ голоду́хи. Хлопъ солдатъ ихъ по уху: „Што ты не стаёшь? исполнять службу не хошь?"—Чертенята умоляютъ салда́та своево́: „опусти́, солдатъ, домой!"—„'дѣ у васъ, черти, домъ?"—„Да хоть на во́лю насъ пусти!"—Баринъ сидитъ у двери́, глядитъ въ шшелку небольшую—штобы чертёнокъ не пролѣзъ. Солдатъ ко(а)мандуетъ: „шагомъ маршъ!" Онъ ихъ долго тутъ училъ; бьётъ ихъ па̀лкой по затылку: „Вы ро(а)вня́йтесь хорошёнько!" Приказалъ солдатъ играть музыкѣ; ба́льна музыка игратъ, а чертеняты шагомъ маршъ. Не похвалилъ ихъ за е́то солдатъ: шли ширинкой не вѣрно́.

4. Баринъ говоритъ: „опусти ты ихъ на во́лю!"—Солдатъ приташшы́лъ *берести́ну*: „Распишитесь своей рукой, штобы николда́ не ходить въ етотъ домъ!"—Онѣ такъ и сдѣлали. Солдатъ у́бралъ на окошкѣ кресты́. Чертенята поброса́лись изъ ве́рхнева этажа̀. Хто изломалъ но́гу, хто и руку—только вы́рвацца бы *отта́ль*.

Баринъ въ этомъ домѣ сдѣлали пирушку, посѣтили и ету избушку. И я тутъ былъ да мёдъ пилъ: по уса̀мъ бѣжа́ло, въ ротъ не попа́ло.

---

34. „Колдунъ и солдатъ".

1. Въ старые времена солдатъ шолъ по беле́ту домой. Приходитъ въ большое одно селенье, а дѣло было къ но́чѣ. Проситца ночевать, ево нихто не пушша́тъ. Подходитъ къ одному бога̀тому дому, въ которомъ пируютъ—дѣло сватьбы.—„Пустите ночевать!"—Старикъ было и отказалъ ему: „У насъ, батюшко-солдатъ, сватьба!"—„Дакъ што изъ етова? Я и на пола́ти ля́гу".—А старуха старику говоритъ: „Не нашъ ли сынъ пришолъ? (У нихъ солдатъ жо былъ). Пустите ево!"

Солдатъ заходитъ въ ызбу, поздоровался съ каппаніей сватьбы. А въ переднемъ углу сидитъ ста́рой старикъ. Это